

Валерий Медведев

КАПИТАН СОВРИ-ГОЛОВА

Рисунки Ольги Боголюбовой

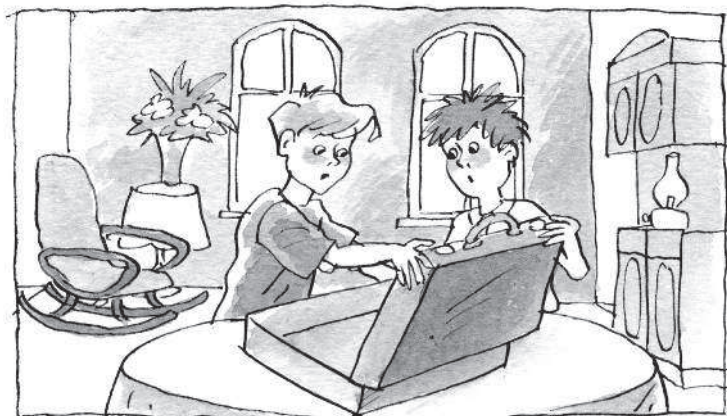
«МАСТЫШ»

КАПИТАН СОВРУ-ГОЛОВА

*Восемь рассказов из жизни
Дмитрия Колчанова*

КАК КАПИТАН СОВРИ-ГОЛОВА ЧУТЬ НЕ ВЛЮБИЛСЯ, ИЛИ НЕКРАСИВАЯ ДЕВЧОНКА

Дима Колчанов, он же капитан Соври-голова, он же (сокращённо!) капитан Сого, снял с гвоздя боксёрские перчатки, которые он взял у одного начинающего боксёра. Потом химическим карандашом нарисовал себе небольшой синяк под глазом и на совсем здоровый лоб крестом наклеил лейкопластырь. И в таком устрашающем виде он смело и почти что бесстрашно вышел на улицу и направился на поиски подавляющей компании. Обычно он избегал этих встреч, но сегодня он сам шёл им

навстречу. Всю их ораву он обнаружил возле кинотеатра. Борис Смирнов брякал на гитаре и пел, а Степан Комаров что-то подпевал ему. Колчанов приблизился к ним, ну, просто нахально и совсем вплотную. Боксёрские перчатки грозно висели у него на плече... светился пластырь на лбу, синяк синел под глазом.

— Что это такое? В чём дело? Ой, мама, я боюсь, — сказал Комаров.

— Капитан Сого — чемпион мира в весе ни пуха ни пера, — засмеялся Смирнов.

Колчанов стоял прямо, хотя ноги от страха у него подламывались. Это так озадачило подавляющих, что они даже не сразу начали его подавлять, а сначала допели свою песенку.

— Ваше нам, — сказал Комаров, обращаясь к Колчанову, — а наше не вам...

Начиналось обычное подавление личности, от которого Колчанов чаще всего спасался бегством, но на этот раз он стоял, хотя ноги его сами по себе так и норовили сорваться с места.

— Что-то я тебя давно не вижу, — сказал Комаров. — Где ты пропадаешь?

КАПИТАН СОВРУ-ГОЛОВА

— В боксёрской школе пропадает! — сказал Смирнов.

— Там и пропадает! — поддержал его Молчунов Виктор.

— Уж начал пропадать, ишь сколько ему синяков поставили. — Комаров противно засмеялся.

Колчанов смело промолчал.

— А как собак стригут, знаешь? — спросил его с издёвкой Борис Смирнов.

Подавляющие всегда задавали Колчанову при встрече какие-то дурацкие вопросы.

— Ножницами! — нахально ответил Колчанов.

— Ножницами! — засмеялся Витька Молчунов. — Собак стригут так... За хвост и об забор. Жалко, что у тебя нет хвоста, а то... я бы тебе показал, как стригут собак.

Колчанов снова смело промолчал.

— Подпрыгни, — сказал Комаров, — что-то ты долго стоишь на одном месте? Застоялся, наверно?

Колчанов подпрыгнул. В карманах у него зазвенела мелочь.

— Выгружай! — приказал Комаров, как всегда. — Смирнов, помоги. — Ты

чего не выгружаешь? — удивился Комаров. — А вы чего не выгружаете? — спросил Комаров Смирнова и Молчунова Виктора.

— Так ведь ударит, — сказал Смирнов.

— Не ударю, — сказал Колчанов. — С меня расписку взяли, что я не буду бить не боксёров.

— Кто взял?

— Тренер по боксу. В «Крылышках». Там открытые соревнования были. Выходи и боксируй кто хочешь, с кем хочешь. Я вышел, нокаутировал чемпиона Москвы среди мальчиков. Мне сразу третий разряд. И с меня расписку, чтоб зря не дрался. Не сдержу слово — дисквалифицируют.

— Вот даёт, — сказал Комаров.

Молчунов и Смирнов выгребли из карманов Колчанова всю мелочь.

— Рубль двадцать три копейки, — сказал Дима Колчанов и пояснил: — Это я для того, чтобы с вас лишнего не взять, когда будете долг возвращать... — А про себя подумал: «Не подействовали перчатки...»

А на следующий день к Колчановым на пироги приехал папин сослуживец.

КАПИТАН СОВРУ-ГОЛОВА

Вместе с собой он привёз двух сыновей, которых смешно звали Кешка и Гешка, и ещё дочку с собой захватил, по имени Тошка. Дима сразу её переделал в Картошку. Дима вообще о девчонках не привык думать и даже внимания на них не обращал. Даже на Наташу Рыбкину внимания не обращал. То есть был как-то случай, когда он на неё обратил внимание, как-то заметил, что она существует — такая вся застенчивая и светленькая. И он что-то такое маме сказал про Наташу — мол, она на подснежник похожа. Мама удивилась и сказала: «Это ещё что такое! Рано тебе ещё об этом думать, рано!»

«Ну, рано так рано!» Маме лучше знать, что рано или не рано, ну, конечно, только в этом смысле, а не в смысле путешествий. Она взрослая, и тут ей видней. Дима тогда подумал, что, наверное, в жизни каждого мальчишки настаёт такой день, когда к нему подходит мама или папа и говорит: «Ну, давай думай о девчонках, думай! Пора!»

Тошку почему-то, между прочим, посадили за столом рядом с Димой. А папа похлопал Диму по плечу и ска-

зал: «Ну, сын, будь мужчиной, ухаживай за своей соседкой!»

«Началось, — подумал Дима, — значит, о девчонках уже можно думать!» Он внимательно посмотрел на Тошку и ужаснулся. Действительно, нос как картошка! Глаза какие-то... совсем... не такие, а как у кошки. Зелёные. И зубы редкие... через раз... и уши тоже... Торчком уши! И голос такой... писклявый и противный! А главное, когда она стала есть пирожки, то у неё уши стали смешно двигаться. Вверх и вниз, то вверх, то вниз. Диме стало неприятно на неё смотреть. Лучше уж на её братьев смотреть. Хотя, между прочим, не большое это было удовольствие. Кешка глотал пирожки, как удав, совсем их не пережёвывая, он, наверное, штук десять в минуту заглотил. А Гешка, наоборот, с таким аппетитом жевал пирожки, что у него всё время за ушами что-то трещало. Трык да трык! И Диме тут стало так противно, он внутри себя так распсиховался, что не выдержал. Встав без спроса из-за стола, он убежал в сад и стал читать книгу, которую папа оставил на поляне. В эту минуту он готов был убежать на край света.

Вдруг за его спиной раздался шорох, когда он совсем уже было успокоился. Дима оглянулся. И увидел эту противную Тошку-Картошку. Она, напевая себе что-то под нос, стала ходить вокруг Димы, сужая круги, и собирать цветочки в траве. Дима подозрительно смотрел на неё и думал: «Припёрлась, тоска зелёная... Понравиться, наверное, хочет... Ишь, распелась! Ля-ля, ля-ля! Никто её сюда не звал!»

— Вы что, книжку читаете? — спросила она, останавливаясь за Диминой спиной.

— Землю копаю... — ответил Дима грубым голосом.

— Про любовь? Или про дружбу? — спросила девчонка, не обращая внимания на грубый Димин голос.

— Про дружбу! — ещё грубее ответил Дима. — Кошки с собакой...

— Вы грубый... — сказала Тошка, — потому что вы, наверное, не верите в дружбу! Не верите ведь? — спросила она Диму и тут же сама себе ответила: — Не верите, не верите, я по глазам вижу!

«Скажи-ите, пожалуйста, она ещё и по глазам чего-то там видит», — поду-

мал про себя Дима, но вслух ничего не сказал.

Тошка немного попела ещё писклявым своим голосом, а потом спросила:

— А вы, правда, в дружбу не верите? Дима снова промолчал.

— Может, вы презираете девчонок? — не унималась Тошка. — Есть такие ребята, которые презирают...

— Ненавижу! — сказал Дима, трясаясь от злости. — Ненавижу всех девчонок на свете!

— А вот мой брат Кешка меня не ненавидит, — сказала Тошка. — Он со мной дружит. Он за меня всегда заступается!

В это время на поляне как раз появился Кешка. Он молотил по воздуху руками и при этом как-то смешно приплясывал. «Пирожки утряхивает, — подумал Дима. — Облопался!» А вслух спросил:

— А что это он делает?

— Упражняется, — объяснила Тошка. — Он у нас боксёр. А это называется бой с тенью.

При слове «боксёр» Дима посмотрел на Тошку повнимательней. Вообще-то девчонка как девчонка и не такая уж

противная, как показалось. И глаза — зелёные, как трава, ничего глаза, нормальные. И нос не картошкой, а просто чуть курносый. Симпатичный такой нос. Во рту Тошка всё время травинку держит...

Дима ещё раз посмотрел на брата Тошки, продолжающего бой с тенью, и спросил:

— А можно... я буду вас звать не Тошкой... а Травкой?

— А почему Травкой? — заинтересовалась Тошка.

— Знаете, Тошка как-то звучит смешно — Тошка-Картошка...

— Можно, — сказала Тошка, — зовите Травкой... если вам так больше нравится...

— А если бы вы шли не одна, — спросил Дима Травку, — а, скажем, со своим знакомым мальчиком, то ваш Кешка заступился бы за него, за мальчика? Ну, если бы на него напал какой-то подавляющий мальчишка?

— Каждый мальчик должен сам за себя заступиться, кто бы на него ни напал. Сам...

— Сам... А если мальчик в переходном возрасте? — сказал Дима. —

